

МАРКИ

Рассказ

– Ну и как ты собираешься десять часов сидеть в аэропорту? Что ты будешь делать? – спрашивала жена несколько раз перед самой поездкой в Ульяновск.

– Да я хрен его знает, что я там буду делать, тем более что курилки в Домодедово нет! – каждый раз с раздражением отвечал Шибов и с грустью представлял свое тоскливое ожидание обратного рейса из Москвы до его родного города, куда напрямую из Ульяновска было не улететь.

Но еще за день до возвращения, оказавшись, наконец, в гостинице, Шибов посмотрел прогноз погоды, а тот пророчил +28 по Москве и области, небольшие грозы, и стало понятно, что в аэропорт можно не заходить, когда есть возможность весело и с пользой провести ночь под открытым теплым майским небом с книжкой в руках, сигаретой в зубах и кофе в желудке.

Между Москвой и Ульяновском пассажиров возят небольшие самолетики, вроде маршруток. Ну, не маршруток, но на туристический «Икарус» салон чем-то похож изнутри. Там, так же как в автобусе, по два ряда кресел с каждой стороны. Шибову достается место у иллюминатора, не то, что в прошлый раз. Лететь сорок минут. В полете еще и кормят. Очень странно это все выглядит после двухчасовых перелетов и более дальних. Только гаснет сигнал «Застегнуть ремни», как сразу же везут еду. Только расправились люди с бутербродами, и снова нельзя вставать, потому что начинается посадка, требуется привести кресла в вертикальное положение и открыть шторки. Шибов и не думал опускать никаких шторок. Всю дорогу он только и делал, что любовался тем, как самолет маневрирует между толстыми высокими облаками, похожими на невероятной величины небоскребы, как бы шерстяные, или облепленные хлопком. Земля внизу выглядит плоской и безобидной. Будто нет там никакой творящейся истории, а есть только земледелие и немного архитектуры. Речки блестят, зеленеют леса, которых на удивление много. Шибов вспоминает, как летел над зимней тайгой, пусть и бесконечной, однако засыпанная снегом, с отстоящими друг от друга деревьями, она вызывала мысли об огромном парке, разве что без пешеходных троп. А меж тем ведь жуткое место, если заблудиться.

Самолет садится. Шибов, пока другие толкаются в проходе, собирая манатки, не спешит вставать, а оценивает погоду на улице. Там вечереет, облачно, однако солнцу хватает места, из-за чего длинные тени растянуты на земле и бетоне. Шибов не спеша бредет наружу по просторным коридорам аэропорта, задерживается в холле, зачем-то смотрит на табло, где до его следующего рейса еще уйма времени, даже еще не началась регистрация. Покупает кофе с собой и, пропустив вперед себя семью из пяти человек с чемоданами на колесиках, суется за ними во вращающиеся двери с надписью «Выход».

Алексей Сальников родился в 1978 году в Тарту. Публиковался в альманахе «Вавилон», журналах «Воздух», «Урал», «Уральская новь» и др., в двух выпусках антологии «Современная уральская поэзия». Автор четырех поэтических сборников, лауреат поэтической премии «ЛитератураРРентген» (2005) в главной номинации. В «Волге» опубликованы романы «Отдел» (2015), «Петровы в гриппе и вокруг него» (2016; роман получил приз критического сообщества премии «НОС» и стал лауреатом премии «Национальный бестселлер»), «Опосредованно» (2018). Все романы вышли отдельными изданиями. Живет в Екатеринбурге.

Буквально четыре недели назад Шибов тут бывал во время другой командировки. Кругом тогда лежал лед, снег, ветер дул невыносимо, гася огонек зажигалки и вырывая сигарету изо рта, а телефон из руки. Сейчас все ходят тут чуть ли не в трусах, лбы людей, перетаскивающих багаж из такси и в такси, блестят от пота, почти у всех тусующихся перед аэропортом бутылки с водой и газировкой. Будущие и бывшие пассажиры пьют, дама в огромной белой шляпе и белом платье, сидящая напротив киоска с фастфудом, обмахивается цветным журналом. Будто вовсе и не было зимы и вообще никогда градусник не опускался в этих краях ниже нуля.

Шибов закуривает и пытается отхлебнуть из стаканчика. Это опрометчивый поступок. В стаканчике лютый кипяток. Даже того количества кофе, что успевает попасть Шибову в рот, хватает для того, чтобы спина у него взмокла и он ощутил себя как после бани. Он снимает крышку с напитка и оставляет остужаться свой раф на гранитный парапет на границе между местом для курения и стоянкой машин.

– Марк! – слышится беспокойный женский крик, и Шибов оборачивается, хотя он вовсе не Марк.

Так же делают и остальные курильщики возле Шибова. Смотрят, что происходит. А ничего не случилось, просто мимо пробегает мальчик, за ним его мама, или тетя, или кто она там ему – неизвестно. Родственница какая-нибудь. Вслед за ними, побросав окурки в урну, неспешно похватав сумки, уходят курильщики. Шибов на полминуты остается один, размышляя, доставать книгу или сначала выкурить вторую.

Его размышления прерывают два молодых парня, одетых, как кажется Шибову, под криш-наитов: в белых просторных хлопковых костюмах, с четками на руке у каждого. Еще и бритые наголо, да так притом основательно, что головы у них блестят, как паркет. Они просят у Шибова зажигалку, принимаются дымить сигариллами и начинают говорить, явно продолжая беседу, стартовавшую где-то ранее.

– Вот смотри... – говорит первый, – эти художники, которые рисуют трахающихся персонажей из мультиков, это же вот, удивительный феномен.

Второй кривится:

– Господи боже, да какой это феномен, это просто какая-то дурь, это из хулиганства делается из чистого, а ты к этому постмодерн какой-то цепляешь, какие-то разводишь вокруг этого непонятные, ненужные вообще какие-то эти... усилия.

– Нет, ты подожди, – насадет первый. – Ты посмотри на это глубже и серьезнее. Ничего не делается просто так.

– Да много делается просто так! – вспыхивает второй. – Мы, вон, едем в Стамбул с одним кошельком, просто потому что нам так захотелось!

– Вообще-то, мы едем отдохнуть, – напоминает первый, – потому что мы заслужили расслабон после тяжелых репетиций. Не забывай. Мы пока не стигматизируем курортный отдых. Не настолько мы преисполнились элитарного искусства и театральных экспериментов, чтобы, бля, отказывать себе в тупом сидении в море и ол инклюзиве. Но, возвращаясь к прошлой теме...

Второй закатывает глаза, но первый не обращает на это внимания и говорит:

– Вот смотри. Авторы мультфильма сублимируют свои самые безумные желания и мысли, превращая факт работы подсознания в приемлемые для широкого зрителя образы и сюжеты. Это истина. Так?

– Ну, допустим, – соглашается второй, явно только затем, чтобы от него отстали.

– А художник, рисующий всю эту шляпу с анальными игрищами лиса и зайчихи, демонстрирует зрителю самые простые и низменные истоки творчества...

– ...как и любой, кто слово из трех букв на стене пишет... – перебивает его второй.

– Ты, как всегда, упрощаешь! – они принимаются спорить и уходят, зачем-то кивнув Шибову на прощание.

Шибов кивает им в ответ. Пробует кофе, но тот по-прежнему горячий. С тоски он закуривает очередную сигарету и опять слышит:

– Марик!

Мимо проносится другой мальчик с плюшевой игрушкой под мышкой.

К Шибову подходят два серьезных мужчины в деловых костюмах, жестом просят зажигалку, Шибов молча копается в кармане джинсов, дает прикурить, морганием глаз обозначает «пожалуйста» на их «благодарю».

Эти не спорят, а скорее дополняют друг друга.

– Я тоже думаю, что рабы в Риме в чем-то были свободнее, чем мы сейчас, – заявляет один. – Им хотя бы еду и жилье предоставляли. Похоже и рабство-то отменено не потому, что какие-то свободы там люди захотели. А просто потому, что так кому-то просто выгоднее.

– Ну да, – поддерживает его собеседник. – Прикинь, если бы в Риме рабам сказали: «А теперь давайте арендуйте жилье и кормите себя сами. Для этого надо впахивать по двенадцать часов в день, по семь дней в неделю. Как вы будете до работы добираться – исключительно ваша проблема. Два часа туда, два часа обратно по пробкам из колесниц? Ну, извините. Можете попробовать найти работу поближе. Что? Тогда не сможете коммуналку оплачивать? Это не наши проблемы». Да там бы такое началось...

– Да, похоже дело именно в этой финансовой отдаче всей мировой системе. Думаю, и нами бы торговали и детьми бы нашими, если бы на нас был спрос. Если бы это было тупо выгоднее, чем наше теперешнее состояние потребителей и просмотрщиков рекламы. Даже вон лазейка есть для тех, кто хочет себя частично продать. Всякие подписки, всякие сервисы для клоунады и интима.

– В случае с блогерами, реакторами и стримерами мне это больше паперть напоминает с юродивыми.

– Нет, там подчас серьезная работа и подготовка видна. Это не совсем паперть.

– Как будто на паперти сидеть в любую погоду проще было! Как будто это не требовало подготовки и серьезной актерской игры!

– Не знаю, не знаю...

Эти тоже понуро удаляются, оставляя в Шибове ощущение спектакля, перформанса и нагнетаемого безумия. Он в три приема выпивает стакан, жалея, что это не кофе по-ирландски.

Шибов ждет каких-нибудь фокусов от компании мужчин в военной форме, которые заполняют место для курения.

Те просто курят, прощаются, обмениваясь рукопожатиями; один за другим садятся в такси и уезжают. У Шибова совсем вылетают из головы два предыдущих представления, он расслабляется. Думает сходить еще за стаканчиком и уже сесть где-нибудь тут неподалеку. Он стоит, почему-то один, хотя другие места для курения довольно плотно забиты людьми. «Видимо, со мной что-то не так», – думает Шибов и оглядывает одежду. Вроде бы все нормально. Еще в гостинице Ульяновска он чуть не сплошь обмазался дезодорантом, дабы не ужасать сидящих рядом, после того как проведет ночь в аэропорту.

Он делает шаг в направлении киоска, обещающего хот-доги, чай и другие напитки, но едва не столкнувшись с ним, мимо с грохотом проносится не электросамокат, а обычный. На самокате очередной мальчик, которого в очередной раз окликают:

– Марк! Я говорила: «Осторожно!».

«Сейчас начнется», – опасно оглядывается Шибов.

И точно. К нему подходят две девочки, как ему сначала чудится, лет одиннадцати-двенадцати, жестом показывают, что им нужна зажигалка. Шибов хочет спросить их, не рано ли им. Приглядывается к ним и понимает, что тем, кого он принял за детей в ситцевых сарафанах, уже где-то за двадцать, но меньше, чем его сыну, которому двадцать пять, поэтому для него эти девушки все равно что дети. Сдержав поучительные слова о вреде курения, Шибов дает им огня и говорит: «Не за что».

– Все просто, – категорически заявляет рыжая собеседнице-брюнетке, – те, кто уехали – предатели, те, кто остались – приспособленцы.

Шибов невольно чувствует себя приспособленцем.

– Допустим, – отвечает брюнетка. – А как быть с теми, кто туда-сюда катается?

– Они и предатели и приспособленцы одновременно, – уверенно говорит рыжая.

– А иноагенты, которые тут живут?

– А такие есть?

– Есть.

– Гнать их, да и все, – отвечает рыжая, подумав. – Пусть будут приспособленцами там.

– Ага, – подначивает ее брюнетка, – а здесь расстрельную статью вернуть. Правильно понимаю?

– Не помешало бы, – в тон ей отвечает рыжая и глаза ее почему-то мстительно суживаются.

– Ну, вообще-то, – напоминает ей брюнетка, – была расстрельная статья во время войны, и что-то это не помешало целым фронтам в окружение попадать, а сотням тысяч в плен. Целый генерал, вон, вообще перебежал на сторону немцев. И что-то не было у него дачи в Лондоне, а был прямо целый высокопоставленный советский гражданин.

– Все равно, – упрямится рыжая.

– Хорошо, – соглашается брюнетка. – А с финкарями что делать, по-твоему? Это предатели или приспособленцы?

– С ними нужно разбираться, – предлагает рыжая. – Есть люди, которые действуют из благих побуждений, а есть сознательные враги.

– То есть тут ты предлагаешь разбираться! – восклицает брюнетка. – Там, значит, однозначно предатели и приспособленцы, а тут не все так однозначно!

– Но если действительно не все! – вскидывает на нее глаза рыжая.

– Не все! – снова соглашается брюнетка. – И я тебя уверяю, твой Шаман еще покажет себя во всей красе!

– Во-первых, он не мой, – по слогам произносит рыжая. – Во-вторых...

Шибов так и не узнает, что там во-вторых, потому что девушки уходят.

– Марк, быстро сюда! – слышится женский голос.

«Не-не-не, – думает Шибов, направляясь в сторону входа в аэропорт, – хорош. Кажется, я уже накурился на два дня вперед».